

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

9

ГРОМОВАЯ ЛУНА

117

СОЛОМЕННАЯ ЛУНА

219

УРОЖАЙНАЯ ЛУНА

317

СКОРБНАЯ ЛУНА

383

ОХОТНИЧЬЯ ЛУНА

479

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

БЕСКОНЕЧНАЯ ЛУНА

559

*Эта история
для писателей, мечтателей, творцов.
От одной рассказчицы –
к другим*

А теперь сидите тихо, и я расскажу вам историю. Начинается она давным-давно в Ферлорене, в краю ушедших. С тех самых времен, как первых людей стали хоронить в сырой плодородной земле или отправлять в море на плотах с погребальными кострами, их души отправлялись в Ферлорен. Найти его помогал вечный фонарь Велоса, бога мудрости и смерти. Их забирали туда, где они могли отдыхать, мечтать и – раз в год, на Скорбную Луну – возвращаться в царство мертвых в виде духов, чтобы провести одну ночь среди близких, оставшихся на земле.

Нет, нет, конечно, больше так не бывает. Это было очень давно. Тише, слушайте дальше.

Хотя подземным миром всегда правил Велос, в незапамятные времена этот бог был там не один. По его темному царству бродили чудовища, а духи наполняли пещеры смехом и песнями.

А еще были демоны. Злые существа, воплощение всего грязного и жестокого, сотворенные из греха и позора мертвых. Когда люди проходили через врата в Ферлорен, из них постепенно, шаг за шагом, вытекали их стыд и отчаяние, пятная мост, соединявший два наших мира, и капали в реку под мостом. Вот из этих-то отравленных вод и родились демоны, воплощения красоты, сотканые

из стенаний и скорби, из тайн и постыдных деяний, которые смертные, умирая, уносили с собой. Сейчас мы зовем этих демонов темными.

Шли века, их число росло, и со временем темные забеспокоились. Они жаждали независимости. Их тянуло к себе жизнь за пределами тусклых пещер и туманных болот Ферлорена. Они пошли к Велосу и попросили у него дозволения отправиться в царство смертных, взглянуть на созвездия, попробовать на вкус соленый ветер, почувствовать прикосновение теплых солнечных лучей к своей ледяной коже.

Но Велос не внимал их мольбам, ведь даже боги могут совершить глупость.

А может быть, вовсе не глупость, а жестокость двигала богом, веками державшим демонов в заточении. Или, может быть, это была мудрость, ибо, рожденные нечестием, демоны не были способны ни на что, кроме зависти и жестокости. Возможно, бог уже знал правду: не место этим существам среди людей, которые – несмотря на множество пороков – все же доказали, что могут вести жизнь, полную добра и великодушия.

Темные перестали просить свободы, а вместо этого – хитрецы – затаились и стали ждать.

Сотни лет они ждали.

Смотрели, и слушали, и замыслили.

Так все и шло своим чередом до одной Скорбной Луны, когда тучи сплошь затянули небо, совсем скрыв полную луну. Пока Велос держал над воротами свой фонарь, указывая заблудшим душам путь к возвращению в верхний мир, темные внезапно ринулись вперед. Они прорвались сквозь толпы ожидающих духов. Поубивали всех чудовищ, которые пытались их остановить. Подготовились они и к встрече с адскими гончими, любимыми слугами Велоса, – темные вырезали полоски из собственного тела, что-

бы заманить гончих на свою сторону. Уловка сработала. Усмирив гончих и застигнув бога врасплох, демоны захватили мост.

В отчаянной попытке остановить их свору Велос превратился в огромного черного волка – поговаривают, что он и сегодня охраняет ворота Ферлорена в таком обличии. Зверь был страшен – размером с дом, с шерстью черной, как ночь, громадными торчащими клыками и двумя звездами, горящими, как пламя, глубоко в глазницах.

Но темные не испугались.

Один из них, тот, что стал впоследствии Эрлкингом, Ольховым Королем, поднял лук, который смастерил сам из костей героев и сухожилий воинов. Из колчана он вынул стрелу: оперение ее было сделано из ногтей мертвых детей, а наконечник – из окаменевших слез их матерей.

Демон наложил стрелу на тетиву, прицелился и пустил ее в полет.

Прямяком в сердце бога смерти.

Волк взревел и свалился с моста в пучину бурлящей внизу реки.

Там, куда упал Велос, стрела, пронзившая его сердце, глубоко вонзилась в дно реки и пустила корни. Она начала расти, минуя мост и пробив ворота. Огромное дерево, ольха, которая с тех пор тянется к небу.

Велос не умер в тот день, да и может ли бог вообще умереть? Но пока бог смерти бессильно лежал на дне реки, темные, торжествуя, ринулись наверх во главе со своим королем. В верхнем мире царила крошечная ночь. Потому что дождя лились на их прекрасные лица, а Скорбная Луна пряталась за молнией и громом, не желая видеть тех ужасов, которым суждено было обрушиться на мир смертных.

ΛΕΠΗΞΕ

ΣΟΛΗΨΕΣΠΟΡΗΞΕ

ГЛАВА

1

Серильда закончила сказку и посмотрела, уснули ли наконец дети.

Спустя минуту Никель открыл сонные глаза.

— А история уже кончилась?

Серильда наклонилась над ним.

— Тебе пора бы уже знать, — прошептала она, поправляя непокорный вихор его светлых волос, — что самые хорошие истории на самом деле никогда не кончаются. Я бы сказала, что «жили они долго и счастливо», — одна из самых лучших моих выдумок.

Мальчик зевнул.

— Может быть. Это хорошая выдумка, уж точно.

— Да, точно, — кивнула девушка. — Ну все. Спать пора. Завтра расскажу вам еще.

Без возражений Никель повернулся на бок, освободив немного места малышке Гердрут, зажатой между ним и Хансом. Фриш и Анна кое-как примостились в изножье кровати. Дети, все пятеро, взяли привычку спать в кровати Серильды, хотя каждому из них были выделены места в комнатах для слуг. Серильда не возражала. Было что-то такое в путанице их рук, ног и приоткрытых ртах, в голубоватых веках и сонных жалобах, когда один стягивал

с другого одеяло, — что-то, что наполняло ее сердце почти безмятежным покоем.

Она так любила этих детей.

Она всей душой сожалела о том, что с ними сделали. Чувство вины мучило ее непрерывно, ведь она знала, что это случилось из-за нее. Во всем виновата она, и ее язык-предатель, и истории, которые Серильда рассказывала и никак не могла остановить. Воображение раз за разом уносило ее, заставляя вечно что-то выдумывать, сколько она себя помнила... но так и не принесло Серильде ничего, кроме неприятностей. Ничего, кроме судьбы, полной несчастий.

А самое худшее несчастье из всех — отнятая у этих чудесных детей жизнь.

Но ребята продолжали просить ее рассказать историю — разве она была в силах противиться? Она не могла отказать им ни в чем.

— Спокойной ночи. — Серильда натянула одеяло Никелю до самого подбородка, прикрывая пятно крови, просочившейся сквозь его ночную рубашку из дыры в груди на месте сердца, которое склевали нахткраппы, ночные вороны Эрлкинга.

Нагнувшись, она поцеловала Никеля в висок. Пришлось сдержаться, чтобы не поморщиться от прикосновения к его коже, холодной и немного скользкой. Казалось, даже самое нежное касание может проломить ему череп, таким хрупким выглядел малыш — совсем как осенние листья в детском кулачке. Призраки не такие уж нежные существа: они ведь уже умерли, и больше им нельзя причинить вреда. Но они застревают где-то на полпути между телом, которое было у них при жизни, и разлагающимся трупом, и поэтому их оболочки как буд-

то не могут решить, каких они формы и размера. Смотреть на призрака было все равно что смотреть на мираж, очертания которого меняются и расплываются в воздухе. Прикосновение к такому призраку ощущалось самой неестественной вещью в мире. Все равно что дотронуться до мертвого слизня, оставленного гнить на палящем солнце. Только... холоднее.

И тем не менее Серильда всем своим существом любила пятерых маленьких призраков, и, — пусть ее тело осталось далеко, запертое в замке с привидениями, пусть она больше не чувствовала биения собственного сердца, — никогда и ни за что она не позволила бы им узнать, как сильно ей хочется отпрянуть, когда кто-то из них обнимает ее или сует в ее ладонь свою маленькую мертвую ручонку.

Подождав и убедившись, что Никель заснул, — Гердрут тем временем принялась храпеть, удивительно громко для такой крохи, — Серильда слезла с кровати и погасила фонарь на прикроватном столике. Она подошла к витражному окну, выходявшему на окружавшее замок большое озеро, вода которого сверкала в лучах заходящего солнца.

Завтра летнее солнцестояние.

Завтра она выйдет замуж.

Легкий стук в дверь прервал мысли Серильды прежде, чем она впала в отчаяние. Она прошагала по ковру, стараясь ступать потише, чтобы не потревожить детей, и отворила дверь.

За дверью стоял Манфред, возница Эрлкинга и первый призрак, которого повстречала Серильда. Когда-то Манфред служил королю и королеве Адальхейда, но погиб в страшной резне, когда Эрлкинг и его темные поубивали всех обитателей и забрали

замок себе. Манфред, как и многие другие, принял лютую смерть — его ткнули в глаз стальным долотом. Инструмент застрял в его черепе и торчал там до сих пор; из глазницы медленно, бесконечно капала кровь. За долгое время Серильда начала привыкать к этому зрелищу и приветствовала Манфреда с улыбкой.

— Я не ждала вас сегодня вечером.

Манфред поклонился.

— Его мрачность имеет честь пригласить вас.

Улыбка сползла с лица девушки.

— Ну конечно, — кисло кивнула она. — Но дети только что заснули. Дайте мне минутку.

— Не спешите. Я не против, пускай подождет.

Понимающе кивнув, Серильда закрыла дверь. Манфред и другие призраки вынуждены были прислуживать темным, но своих господ они ненавидели. При каждом удобном случае они пытались по мелочам досаждать Эрлкингу и его придворным. Хоть и мелкий, но все же бунт.

Серильда заплела длинные волосы в две косы. Ей пришлось в голову, что многие девушки, собираясь к будущему супругу, пощипали бы себе щеки, чтобы прибавить румянца, или капнули бы на шею розовой воды. У нее же зародилось сильное искушение сунуть в чулок кинжал — вдруг представится возможность воткнуть его в горло суженому.

Она бросила на детей еще один взгляд, отмечая, что они не похожи на спящих. Слишком уж бледны, да и дышат слишком тихо. Лежа вот так, они выглядят совершенно мертвыми.

Пока голова Гердрут не склонилась набок и девочка не издала басовитый звук, похожий на шум мельничных жерновов.

Серильда закусила губу, чтобы не приснуть, и напомнила себе, для чего она это делает. Ради них.

Только ради них.

Отвернувшись, она тихонько выскользнула за дверь.

Серильда хорошо помнила дорогу к покоям Эрл-кинга, но все же была рада, что Манфред с ней: освещенные факелами коридоры, по которым они шли, были увешаны жутковатыми гобеленами с изображением ужасных сцен охоты, гончих и растерзанной добычи. Она привыкла к зловещим, навязчивым теням, заполнявшим залы замка, но сомневалась, что когда-нибудь сможет чувствовать себя здесь уютно и свободно. Это трудно, когда за каждым поворотом тебя может встретить ухмылка какого-нибудь темного или голодный взгляд потусторонней твари.

Вскоре Серильде предстояло стать королевой этого места, но она подозревала, что даже и тогда вряд ли будет чувствовать себя в безопасности. Всевозможные упыри и прочие твари, поселившиеся здесь задолго до нее, строили надменные рожи и отпускали колкие замечания, давая понять, что с куда большей охотой обглодают ее кости, чем склонятся перед смертной королевой.

Она старалась не принимать это близко к сердцу.

— Все ждут не дождутся, когда церемония наконец останется в прошлом? — спросила Серильда у Манфреда, пока они пробирались через лабиринты залов.

— Вовсе нет, моя королева, — ответил Манфред своим обычным бесстрастным тоном. В противовес равнодушию темных — а возможно, отчасти как раз *из-за* него — слуги-призраки отнеслись к повышению положения Серильды вполне благосклонно. Многие, обращаясь к ней, уже употребляли королевские

титулы — *Величество, Королева*, а иногда даже *Ваше Великолепие*. — Насколько я понимаю, для многих подготовка к свадьбе стала приятным отвлечением.

— Отвлечением? От чего же?

Призрак глянул на нее искоса здоровым глазом, тонкая усмешка заставила дернуться его седеющую бородку.

— От нашей жизни, — сухо пояснил он и, пожав плечами, добавил: — Или ее отсутствия.

Серильда нахмурилась. Хотя Манфред и многие призраки были мертвы уже давно, целые столетия, но смерть до сих пор оставалась для них незаживающей раной. Во многих случаях буквально.

— Манфред, — медленно сказала она, — а ты помнишь, как служил бывшей королевской семье? Той, что правила здесь до прихода темных?

— Я мало что помню о прежней жизни в замке. Но я помню, что, — он надолго задумался, подбирая слова, а когда, наконец, заговорил, в его голосе звучала странная тоска, — был горд своей работой. Хотя, чем я гордился, не могу сказать.

Серильда мягко улыбнулась ему, и лицо Манфреда, как и всегда, тут же приобрело непроницаемое выражение. Ей хотелось продолжить, вызвать его на разговор, уговорить вспомнить хоть что-нибудь, что угодно — но это было бесполезно. Все воспоминания о бывшей королевской семье исчезли, когда Эрлкинг проклял принца и его имя, стерев саму память о нем с лица земли.

Пытаясь познакомиться с обитающими здесь призраками, Серильда обнаружила, что чем ближе кто-то был к королевской семье, тем меньше у него сохранилось воспоминаний о жизни до кровавой резни, устроенной Эрлкингом. Служанка, что

отскребала в судомойне кастрюли и сковородки, почти полностью помнила прежнюю жизнь, а вот у тех, кто регулярно оказывался перед лицом короля и королевы или принца с принцессой, в памяти не осталось почти ничего.

Никто не догадывался, что принц до сих пор находился здесь, среди них. Забытый принц.

Современным жителям Адальхейда он был известен как дух-золотильщик.

Другие называли его полтергейстом, духом-буяном. Прядильщиком золота.

Для Серильды он был просто Златом.

Озорным пареньком, который принял ее выдумки, который снова и снова превращал солому в золото, спасая ей жизнь. Он невольно создал золотые цепи, которыми Эрлкинг собирался захватить в плен бога.

У Злата отняли даже его собственные воспоминания. Он не мог вспомнить ничего. Ни своей жизни. Ни своей смерти. Ничегошеньки с того времени, как оказался под заклятием, стал духом-буяном, запертым в этом жутком месте, как в ловушке. Эрлкинг стер его имя из истории, даже из книг и с надгробий. Злат и не знал, что он принц, пока Серильда не поведала ему правду о том, что случилось с ним и его семьей. На нем лежало проклятие. Остальные были мертвы. Истреблены ради мести принцу, убившему великую любовь Эрлкинга — охотницу Перхту. Злат до сих пор скептически относился к этим рассказам Серильды.

Впрочем, Серильду это не волновало. Ей было все равно, как его зовут. Все равно, чей он сын.

Ей было не все равно, что Злат станет отцом ее будущего ребенка. Ей было не все равно, что когда-то

в порыве отчаяния она пообещала своего ребенка, чтобы он помог ей превратить солому в золото.

Ей было не все равно, что она была капельку в него влюблена.

Может быть — даже больше, чем капельку.

— Я полагаю, что вы были очень важной персоной, — сказала Серильда, проходя с Манфредом несколько гостиных одну за другой. — Важнее простого кучера, это точно. Судя по всему, камердинер короля. Или королевский советник. Потому и не можете много вспомнить. Но я уверена, что у вас есть все основания для гордости.

Манфред молчал. Во время их ночных прогулок она понемногу рассказывала ему о том, что здесь произошло. О том, что случилось с королевской семьей. О том, что случилось с ним самим и со всеми, кому не посчастливилось оказаться в замке, когда Эрлкинг исполнил свою месть. Когда-то Серильда рассказывала эту историю и Злату, уверенная, что просто выдумывает сказку, но теперь-то она знала, что все это — чистая правда. Дар Вирдита, ее крестного отца, бога-сказителя, без сомнения.

Трагическое прошлое замка совсем не удивило тех, кто веками был вынужден прислуживать темным. Они знали — с ними случилось *что-то* ужасное. У многих на теле были раны — красноречивое доказательство. У кого-то сохранились и мимолетные воспоминания о прошлой жизни. По их одежде можно было понять, кто есть кто — от горничных и пажей до важных придворных, хотя для темных прежний статус ничего не значил.

Несложно было заключить, что эти люди служили королевской семье, когда Эрлкинг захватил власть и убил их всех, пускай они и не могли вспом-